

Когда Сюй Наннань вернулась домой, семья Сюй уже начала готовить. В городе уже горит уголь, а Сюй Цзяньшэн работает в шахте, поэтому, естественно, недостатка в угле нет. Ли Цзин обычно использует уголь для приготовления пищи и жарки, и без необходимости сжигать дрова один человек может приготовить еду для большого стола. Но сегодня все по-другому, маленькая фигурка Сюй Сяомань сидела на корточках с закатанными рукавами и послушно мыла овощи рядом с ней, она казалась очень умелой.

Само собой разумеется, что Сюй Сяомань уже девять лет, и для нее нормально помогать семье. Сюй Наннань не думала, что это хорошо - привыкать к детям. Но, увидев Сюй Сяомань, работающую на стороне, в то время как Сюй Хун и Сюй Мэйцзы делают свою домашнюю работу на скамейке в обеденном зале, все ее тело почувствовало себя нехорошо.

“Сяомань, иди сюда”. Она не стала ссориться с Ли Цзин и прямо позвала Сяомань.

Сюй Сяомань услышала, что Сюй Наннань вернулась, и сразу же подбежала с радостью: “Сестра, когда ты вернулась?”

“Только что.”

“Сестра, в городе весело?” - с любопытством спросила Сюй Сяомань.

“Это весело, в следующий раз, когда я войду в город, я поведу тебя на хорошую прогулку”. К тому времени она будет богата, и у нее будут хорошие отношения с семьей Сюй Геншэня, и ей будет удобно въехать в город в будущем. Однако она не будет использовать его, чтобы найти Сюй Цзяньшэня и его жену. Она может взять Сяомань, чтобы они сами поиграли в городе.

“Сяомань, что ты делаешь? Ты здесь для того, чтобы работать!” - крикнула Ли Цзин из кухни.

Лицо Сюй Сяомань изменилось, и она уже собиралась вернуться на кухню, когда Сюй Наннань прямо взяла ее за руку: “Оставь ее в покое, мы здесь никто, иди и поиграй в гостиной, сестра останется там с тобой”. Она прямо потянула Сюй Сяомань в гостиную.

Ли Цзин долго кричала, но никого на кухне не увидела. Когда она вышла, чтобы проверить, фигуры Сюй Сяомань уже давно не было.

Сюй Хун сказала: “Тетя, Эрия только что вернулась, поэтому она не позволила Сии работать. Я не знаю, что думает Эрия. Она хочет провести день без работы, и не позволяет Сяомань делать это. Они не понимают тяжелой работы моей тети. Если бы мне не нужно было делать домашнюю работу, я бы помогла своей тете”.

Услышав это, лицо Ли Цзина залилось краской.

Сюй Мэйцзы сказала сбоку: “Тетя, не сердись. После того, как я закончу свою домашнюю работу, я немедленно приду и помогу тебе работать”.

“В этом нет необходимости, вы, ребята, просто должны хорошо выполнять свою домашнюю работу. Я просто не могу в это поверить. Я не верю, что больше не могу сдерживать этих девушек”. Ли Цзин сорвала фартук со своего тела. Он упал прямо на землю, и она поспешно, сердито пошла в гостиную.

Увидев это, Сюй Хун прикрыла рот рукой и улыбнулась, подмигнув Сюй Мэйцзы. Сюй Мэйцзы притворилась, что не заметила этого, и продолжала безучастно работать над домашним

заданием.

Ли Цзин вошла в гостиную, уже держа в руке тонкую деревянную палку.

Сюй Наньнань и Сюй Сяомань сидели на диване. Увидев, что она вошла, Сюй Наньнань посадила Сюй Сяомань прямо позади себя и холодно посмотрела на Ли Цзин.

“Выйди ко мне, маленький щенок, ты перевернула небо вверх дном. Неудивительно, что твоя бабушка так сильно тебя ненавидит. Оказывается, у тебя нет никакой добродетели, и ты заслуживаешь, чтобы твоя бабушка тебя ненавидела”.

Сюй Наньнань улыбнулась и сказала: “Мама, ты ошибаешься на этот счет. Причина, по которой моя бабушка меня не любит, в том, что я родилась от служанки. Моя бабушка часто говорит, что ребенок, рожденный от служанки, должен вести жизнь служанки и заслуживает того, чтобы быть слугой. Раньше я в это не верила. Теперь, когда я пришла сюда посмотреть, я действительно поверила в это. Хунхун и Мэйдзы могут сидеть, есть и пить, в то время как мы с Сяомань должны работать. Разве не такова судьба служанки? Мама, тебе еще не надоело быть служанкой? “

Она знала, что у Ли Цзин эта болезненная тема, поэтому сказала это нарочно. Ли Цзин не позволит ей чувствовать себя лучше, и, конечно, она не позволит Ли Цзин чувствовать себя комфортно.

“Ты мертвая девочка, сегодня мне придется забить тебя до смерти!”

Лицо Ли Цзин покраснело от гнева, и с злобным видом она ударила Сюй Наньнань палкой. Сюй Наньнань сразу же потянула Сюй Сяомань в другую сторону и побежали к двери.

Она крикнула, выбегая: “Директор Чжу, моя мать издевается над своим собственным ребенком”.

Когда Ли Цзин отреагировала, Сюй Наньнань уже потащила Сюй Сяомань к двери.

Ли Цзин чуть не упала в обморок от гнева.

В это время все готовили ужин, и они жили близко друг к другу, поэтому все посмотрели, когда услышали крик ребенка. Зная, что семья Ли Цзин обучает детей, они сочли это очень странным. В конце концов, на протяжении многих лет Сюй Цзяньшэн и его жена являются известной образцовой парой в этой шахте. Семья Сюй также входит в пятерку лучших семей уже несколько лет подряд. Говорят, что все в этой семье добрые и дружелюбные, куда бы они ни пошли, и они никогда не краснели. Ли Цзин очень добра к детям. Но сегодня выясняется, что она на самом деле избивает ребенка.

“Похожа это не ее племянница, почему мы не видели их раньше?”

Кто-то видел, как Сюй Наньнань выволокла Сюй Сяомань со двора, и они начали перешептываться.

“Должно быть, это были их дети. Я слышала, что их дочери пришли сегодня на шахту, и им было плохо. Говорят, что у детей даже не было хорошей одежды”.

“Эти дочери были избиты, когда они пришли, что делает Ли Цзин?”

Несколько человек что-то обсуждали, Сюй Цзяньшэн тоже возвращался с небольшим кусочком

свинины. Он увидел, что соседи указывают на его дом, и подошел в замешательстве. Когда он услышал, как Ли Цзин кричит внутри, он увидел двух своих дочерей, стоящих снаружи двора. После того, как за ним наблюдали, как за обезьяной, его лицо внезапно осунулось.

“Наньнань, что происходит?”

Снаружи говорили о Сюй Наньнань и Сюй Сяомань. Услышав голос Сюй Цзяньшэня, выражение ее лица сразу же стало очень грустным: “Папа, ты вернулся. Я не знаю, что не так с мамой, она гоняется за мной и Сяомань. Она хотела ударить нас. Мы с Сяомань боимся возвращаться домой. Папа, завтра мы вернемся в наш родную деревню. Я знаю, в конце концов, это не наш дом. Это дом Хунхун.”

Сначала он все еще был немного зол, но Сюй Цзяньшэн почувствовал себя немного грустным и виноватым, когда услышал, как его дочь сказала это. Это его дочь, которая на самом деле сказала, что это не ее дом.

Все это произошло в первый день, когда приехали дети. Что все это значит?

Сюй Цзяньшэн подошел и протянул руку, ведя двоих детей в дом: “Идите домой, ваша мать не ударит вас”.

Сюй Наньнань не осмелилась: “Моя мать все еще ругается внутри, она все еще держит палку в руке”.

“Я вернулся, она не посмеет!” - удостоверил Сюй Цзяньшэн.

“ Папа, я верю тебе”. Сюй Наньнань благодарно улыбнулась.

Увидев улыбку девушки, Сюй Цзяньшэн почувствовал себя еще более неловко. Он вздохнул и впустил двоих детей, а когда вошел во двор, сразу закрыл калитку, чтобы отгородиться от сплетен снаружи.

Во дворе Сюй Хун и Сюй Мэйцзы успокаивающе гладили Ли Цзин по спине. Увидев, что двое детей входят, она сразу же подняла палку и сказала: “Ты смеешь возвращаться?! Посмотрим, не забью ли я тебя сегодня до смерти!” Если бы не страх быть замеченной посторонними, она бы выбежала, чтобы избить двух детей, особенно мертвую девочку Наньнань, которая действительно все больше и больше выходит из подконтроля.

Увидев ее такой сварливой, Сюй Цзяньшэн нахмурил брови: “Что с тобой не так? В первый день, когда появился ребенок, все соседи сплетничают и смеются над нами. Все шутили по поводу неприятностей, которые вы причинили! Что ты хочешь сделать?!”

Сегодня весь день был неблагополучным. Он сдерживался весь день и не знал, что делать. Когда он вернулся сегодня вечером, он думал о том, чтобы накормить детей хорошей едой, чтобы компенсировать это. Но вместо этого его обычно добрая жена начала ругаться на все двор. Она стала очень похожа на старушку из нашей семьи. Он так расстроился, когда увидел это.

“Иди спроси, что она сделала!” Ли Цзин обиженно указала на Сюй Наньнань.

Сюй Цзяньшэн посмотрел на Сюй Наньнань.

Сюй Наньнань развела руками: “Я ничего не делала, я просто попросила Сяомань поговорить

со мной. Мама вдруг ворвалась с палкой, чтобы ударить меня”.

“Поговорить?” Ли Цзин холодно фыркнула: “Есть много вещей, которые следует сделать, но ты все еще говоришь. Ты даже не знаешь, как помочь с работой”.

Сюй Наньнань невинно сказала: “Как я узнаю? Я думаю, что сестра Хунхун и Мэйзи не работают, Лонглонг и Лейзи все еще играют на улице, откуда мне знать, что есть чем заняться? Кроме того, мы с Сяомань приехали только сегодня, сейчас не наша очередь работать”.

Услышав это, Сюй Цзяньшэн почувствовал, что Ли Цзин подняла шум из-за этого вопроса. Но в присутствии детей всегда трудно ругать Ли Цзин. Он повернул голову и посмотрел на Наньнань: “Наньнань, это тоже твоя вина. Хун Хун и остальные-гости, так как же мы можем позволить им работать? Ты не можешь так думать об этом в будущем”.

Он думает, что это дело очень простое. Когда гости приходят в дом, разве не все хозяева развлекают их? Его дочь должна развлекать свою племянницу.

Когда Сюй Хун и Сюй Мэйцзы услышали это, выражение их лиц было немного уродливым. Особенно Сюй Хун, которая прикусила губу с неохотным выражением на лице.

Сюй Наньнань сердито рассмеялась: “Папа, у тебя с этим проблемы. Я хочу спросить, кто больше похож на гостей, чем на хозяина. Я всегда думала, что они были хозяевами этого дома, в то время как мы с Сяомань были гостями”.

” Это... ” Сюй Цзяньшэн некоторое время задышался.

Ли Цзин изначально думала, что Сюй Цзяньшэн защищает ее, поэтому она собиралась посмотреть, как Сюй Цзяньшэн учит этих двух девочек, но Сюй Цзяньшэн на самом деле обдумывает то, что говорит его дочь, и она снова разозлилась на некоторое время. “Ты действительно невоспитанный ребенок, это же твой отец, почему ты не уважаешь старших?”

“Нас никто не учил, так откуда же возьмется воспитание?” Сюй Наньнань восприняла это как должное.

“Эрия, как ты можешь так говорить? Разве это не ранит сердце наших родителей? С таким количеством взрослых в семье, которые заботятся о вас двоих, что вы хотите делать? Ты знаешь, как трудно дяде и тете жить здесь, в городе?” Сюй Хун была возмущена.

Сюй Мэйцзы виновато посмотрела на Сюй Наньнань: “Эрия, сестра, если ты злишься, просто выплесни это на меня, не вини дядю и тетю”.

Ли Цзин вытерла слезы: “Послушай, они такие бесчувственные, как получилось, что я родила такую вещь?”

Сюй Лонг и Сюй Лей тоже услышали движение и побежали назад снаружи. Они увидели, как Ли Цзин плачет, Сюй Хун и Сюй Мэйцзы обвиняли Сюй Наньнань, и сразу же присоединились к борьбе: “Эрия, почему ты такая плохая? Ты пришла сюда только для того, чтобы создавать проблемы. Когда тебя здесь нет, мы все хорошо проводим время, но когда ты здесь, у нас только проблемы”, - сердито сказал Сюй Лонг.

Он все еще переживает из-за двух мясных булочек. Тетя сказала, что оставила это для него и Сюй Лэя, чтобы они поели на ночь, но Эрия и Сия действительно съели это.

Сюй Лэй тоже хотел отругать их, но Сюй Мэйцзы остановила его: “Лэй, не ссорься с тетей и с ними, иди в дом и делай домашнее задание”.

Сюй Лэй хотел кого-нибудь отругать, но его мать сказала, что он должен слушать Мэйдзи, иначе она заберет его обратно в деревню, поэтому он больше не осмеливался ничего сделать. Он мог только войти в дом с открытым ртом.

Когда так много людей поддержали ее, Ли Цзин немедленно подошла и хотела крикнуть несколько слов. Сюй Цзяньшэн, который только что ничего не говорил, больше не мог этого выносить: “Ладно, перестань создавать проблемы! Пора ужинать, давай не будем поднимать шум. Ли Цзин, иди готовь!”

“Это дело еще не закончено”. Ли Цзин это немного не убедило.

“Я сказал, иди готовить, я устал за весь день, и я даже не могу съесть горячий рис, когда вернусь”, - сказал Сюй Цзяньшэн со спокойным лицом.

Увидев, как изменилось лицо Сюй Цзяньшэня, Ли Цзин немного испугалась. Она прикусила губу и свирепо посмотрела на Сюй Наньнань, прежде чем отправиться на кухню готовить. Сюй Хун и Сюй Мэйцзы тоже взглянули на Сюй Цзяньшэня, немного испугавшись, и пошли на кухню с Ли Цзин.

Сюй Цзяньшэн потер виски: “Наньнань, сначала отведи Сяомань отдохнуть, а я позову тебя на ужин позже”. После этого он тоже вошел в дом.

Только Сюй Сяомань и Сюй Наньнань остались на том же месте, а также Сюй Лин, стоявшая в углу двора, слишком напуганная, чтобы двигаться.

Сюй Сяомань обиженно посмотрела на Сюй Наньнань: “Сестра...” Ей было очень грустно. Почему мама должна быть такой жестокой с ними, но такой доброй к сестре Хунхун и другим? Только что она хвалила сестру Хунхун и других, но оказалось, что она ненавидит ее и сестру.

В отличие от нее, Сюй Наньнань совсем не было грустно, в лучшем случае она была немного сердита. Для нее семья Сюй не имеет значения, и их отношение не имеет для нее большого значения.

Конечно, для Сяомань это все еще очень важно. Поэтому Сюй Наньнань осторожно вытерла слезы: “Сяомань, ты видела это? Наши родители на самом деле больше не заботятся о нас. Раньше они не заботились о нас, но теперь они заботятся только о сестре Хунхун и других. С этого момента ты будешь жить только со своей сестрой. Не грусти”.

Выслушав ее, Сюй Сяомань не смогла сдержать слез. Ее рот был плотно сжат, и она не знала, о чем она думает.

Сюй Наньнань тоже была беспомощна. Были определенные вещи, которые нужно было четко осознать, иначе в будущем ей будет еще грустнее.

“Старшая сестра и вторая сестра, перестаньте плакать и ешьте сладости”.

Когда подошла Сюй Лин, она даже не поняла. Она была маленькой, даже не доставала Сюй Наньнань до талии.

Она протянула свою маленькую ладошку с двумя леденцами в ладони.

Сюй Наньнань присела на корточки: “Откуда взялись конфеты?” Она не верила, что Ли Цзин была готов дать конфеты детям дома. Конечно, если бы это был чей-то другой ребенок, это могло бы быть.

Сюй Лин огляделась вокруг и прошептала: “Я взяла его в комнате моей мамы. Я знаю, куда она кладет конфеты. Я наблюдала, как она кладет их, когда все спят.” Эта конфета была выдана на шахте во время китайского Нового года, чтобы поприветствовать гостей. Ли Цзин заботилась о семье, поэтому естественно сохранить часть. Чтобы, приготовить немного сахарной воды для питья детям. Хотя она любит своих племянников и племянниц, ей также не хочется случайно отдавать такую хорошую вещь, поэтому она прячет их и иногда, дает их детям. Кто знал, что Сюй Лин, которая спала с ней в одной комнате, не засыпала, когда она прятала сахар ночью. И она втайне помнила место, куда та клала сахар, чтобы потом взять его.

Сюй Наньнань удивленно посмотрела на нее: “Ты никому не сказала, не так ли?”. Если об этом узнает Ли Цзин, все будет плохо. Она и Сяомань уйдут, но жизнь Сюй Лин может оказаться нелегкой.

Сюй Лин гордо сказала: “Никто не знает. Я не говорила им. ” - Она снова протянула руку. - “Ешь, не показывай это маме. ” Видя нетерпение ребенка, Сюй Наньнань вздохнула, протянула руку, чтобы взять конфетку, и сунула ее в рот Сюй Сяомань, которая все еще плакала: “Съешь что-нибудь сладкое и перестань плакать”.

Сюй Лин все еще держала конфету на ладони. Сюй Наньнань подняла ее и сунула в рот Сюй Лин: “Сестра не любит сладости, ты можешь это съесть. Но в будущем тебе следует меньше есть, чтобы у тебя не было кариеса”.

Сюй Лин съела конфету, улыбнулась и склонила голову набок, глядя на Сюй Сяомань: “Вторая сестра, это сладко?”

Сюй Сяомань вытерла слезы рукавом и кивнула: “Сладко”.

После такого волнения атмосфера вечернего ужина, естественно, была немного подавленной. Однако двум сестрам Сюй это действительно понравилось. Особенно сегодня Сюй Цзяньшэн вернулся с куском мяса, и Ли Цзин специально положила его перед Сюй Цзяньшэнем. Сюй Цзяньшэн не двигал палочками для еды. Видя, что Сюй Цзяньшэн не двинулся с места, Сюй Хун и остальные не осмелились пошевелиться.

Напротив, Сюй Наньнань собирала овощи и мясо для двух младших сестер, и сама ела побольше

“Ешь как следует!” - с горечью сказала Ли Цзин, видя, что мяса становится все меньше и меньше, и у нее болит сердце. Она хотела сказать несколько слов, но боялась, что это разозлит Сюй Цзяньшэня. К счастью, завтра двое детей уезжают, и в семье снова воцарится мир.

Во время ужина, Сюй Наньнань поела спокойно, в отличии от других.

После еды Сюй Цзяньшэн устроил им место для ночлега. В доме всего две комнаты. Обычно его племянники и племянницы спят в одной, а Сюй Цзяньшэн и Ли Цзин спят с Сюй Лин в другой. Теперь, когда есть еще два человека, они могут втиснуться в кровать только с Сюй Хун и остальными.

Сюй Наньнань ничего не сказала и легла прямо на кровать, чтобы занять основное положение. “Сяомань, иди спать”.

Увидев это, Сюй Хун обиженно посмотрела на Ли Цзин. Ли Цзин сердито изменилась в лице. Она прокричала несколько слов и увидела, что Сюй Наньнань не пошевелилась. “Сначала поспи вот так, завтра им придется уехать, давай потерпим одну ночь. Твой дядя сегодня устал, дай ему отдохнуть”.

Услышав слова Ли Цзин, Сюй Хун смогла только стиснуть зубы и неохотно села на край кровати.

Деревенские жители очень грязные, и она не знает, есть ли на них блохи.

С другой стороны, после того, как Ли Цзин вернулась в комнату, она все еще была очень расстроена. И она говорила, что Сюй Наньнань создаёт слишком много проблем.

Сюй Цзяньшэн промолчал и через некоторое время сказал: “Хорошо, но почему ты так обращаешься с нашей девушкой? Обычно ты хорошо относишься к Хунхуну, но почему не к Наньнань?”

Сегодня он также узнал, что Ли Цзин, похоже, неправильно относилась к ребенку. В прошлом Ли Цзин и его дети редко встречались. Каждый раз, когда они были в сельской местности, они мало общались. Ему все еще не нравилось это видеть. И он думал, что у Ли Цзин не было возможности быть милой с детьми. В конце концов, Ли Цзин была так добра к своим племянникам и племянницам. И поэтому, своим детям она не могла ничего сказать. Но сегодня отношение Ли Цзин к детям слишком сильно отличается от отношения к Хунхуну и другим в обычное время.

<http://tl.rulate.ru/book/64203/1696805>